

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ
С СЛОВАЦКИМ
МОРФОЛОГИЯ
I-II

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ
С СЛОВАЦКИМ

МОРФОЛОГИЯ

I-II

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 81.031
И 85

*Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы
«Русский язык» в 2003 году*

Исаченко А. В.

И 85 Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. — 2-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 880с. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-94457-147-0

Исследование А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» (Братислава, 1954—1965, т. 1–2) представляет ценность в двух отношениях. Во-первых, эта работа является выдающимся памятником лингвистической мысли середины XX века, связанной с достижениями «пражской школы» структурной лингвистики (выдающийся славист, А. В. Исаченко был одним из ближайших учеников и последователей Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого). Книга А. В. Исаченко — практически единственная научная работа, в которой основные теоретические принципы пражского структурализма последовательно применяются к описанию двух славянских языков (прежде всего, русского) на всех уровнях. Однако значение работы А. В. Исаченко далеко не исчерпывается ее исторической ценностью. Многие наблюдения и трактовки этого автора продолжают сохранять свою актуальность и в наше время, причем точность и проницательность описания отдельных фрагментов русской грамматики нередко превосходит более поздние образцы (например, современные Академические грамматики русского языка). А. В. Исаченко интересен и как оригинальный теоретик, внесший заметный вклад в теорию грамматики, особенно в понимание таких терминов, как грамматическая категория, время, вид и способ действия. Классификация «способов глагольного действия», предложенная Исаченко именно в этой работе, до сих пор используется не только в славистике, но и за ее пределами.

Книга будет представлять бесспорный интерес не только для специалистов по истории лингвистических идей XX века, но и для широкого круга русистов, работающих над описанием современного русского литературного языка, а также для славистов в целом.

ББК 81.031

Александр Васильевич Исаченко

**ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЛОВАЦКИМ
Морфология**

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 19.09.2003. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 70,95. Заказ № 3335.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>; <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С СЛОВАЦКИМ

МОРФОЛОГИЯ

Часть первая (по стр. 297)

Часть вторая (по стр. 570)

A. V. ISAČENKO

GRAMATICKÁ
STAVBA RUŠTINY
V POROVNANÍ
SO SLOVENČINOU

MORFOLÓGIA

I

DRUHÉ VYDANIE

VYDAVATELSTVO
SLOVENSKEJ AKADEMIE VIED
BRATISLAVA 1965

А. В. ИСАЧЕНКО

ГРАММАТИЧЕСКИЙ
СТРОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
В СОПОСТАВЛЕНИИ
С СЛОВАЦКИМ

МОРФОЛОГИЯ

I

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БРАТИСЛАВА 1965

SLOVENSKÁ AKADEMIA VIED

Vedecký redaktor

dr. Štefan Peciar, CSc.

© A. V. ISAČENKO 1965

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	6
--	---

ГЛАВА I. МОРФОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В КРУГУ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Грамматический строй языка как предмет грамматики	7
Взаимосвязанность между грамматическим строем и звуковой стороной языка	10
Грамматический строй и словарный состав	12
Предмет морфологии как особого раздела грамматики	13
Учение о частях речи	20
Учение о морфологических категориях	25
Формы слова	27
Продуктивные и непродуктивные формы	31
Связь морфологии с синтаксисом	34
Синтаксис и фразеология	37
Морфология и стилистика	40
О сопоставительном методе	41

ГЛАВА II. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические признаки имени существительного	47
Грамматическая категория рода	50
Трактовка грамматического рода иностранных слов в русском, словацком и чешском языках	54
Род несклоняемых имён существительных	58
Перебои в грамматическом роде иностранных слов	60
Род уменьшительных и увеличительных существительных	61
Семантико-грамматические классы внутри категории грамматического рода	61
Класс живых существ („одушевлённых“) в русском языке	65
Вопрос о „подклассе лиц“ в русском языке	66
„Общий“ род в русском языке	70
Утрата категории рода во множественном числе	72
Грамматическая категория числа	73
Следы двойственного числа	77
„Двойные“ формы именительного (винительного) падежа множественного числа и их значения	78
Pluralia tantum	79
Singularia tantum	82
Вопрос о „категории вещественности“ в русском языке	85
Singularia tantum с вещественным значением	87
Сингулятивы	89
Употребление имён собственных во множественном числе	90

Грамматическая категория падежа	91
Формальный состав падежей в русском языке	91
Вопрос о „значения“ падежных форм	94
Реализация падежных форм в языках аналитических и синтетических	96
Основные типы падежных конструкций	98
Адвербиальное употребление падежных форм	100
Синтаксические функции падежей	102

Склонение имён существительных

Принципы парадигматической классификации имён существительных	105
Продуктивные типы склонения	108
Непродуктивные типы склонения	108
Правописание падежных окончаний	110
Первое склонение (мужской род)	111
Формы родительного падежа единственного числа	114
Формы предложного („местного“) падежа единственного числа	120
Окончание -а в именительном падеже множественного числа	123
Окончание -я в именительном падеже множественного числа	125
Окончание -ья ударяемое в именительном падеже множественного числа	126
Окончание -и безударное в именительном падеже множественного числа	126
Окончание -и в именительном падеже множественного числа „твёрдых“ основ	126
Формы родительного падежа множественного числа	127
Беглые гласные о, е, ё	128
Акцентологические типы	129
Оттяжка ударения на предлог	134
Реликты старославянского склонения	136
Первое склонение (средний род)	137
Общие примечания к падежным формам	137
Формы именительного падежа множественного числа	138
Формы родительного падежа множественного числа	139
Беглые гласные в родительном падеже множественного числа среднего рода	140
Акцентологические типы	141
Склонение личных имён на -о	143
Оттяжка ударения на предлог	144
Склонение имён существительных на -ие и -ье	145
Второе склонение	147
Творительный падеж единственного числа	149
Формы родительного падежа множественного числа	149
Беглые гласные о, е, ё	151
Акцентологические типы	152
Оттяжка ударения на предлог	156
Склонение существительных на -ья	157
Склонение существительных на -ия	158
Склонение существительных мужского и „общего“ рода на -а, -я, -ья и -ия	158
Третье склонение	159
Акцентологические типы	161
Оттяжка ударения на предлог	162
Иррегулярные формы творительного падежа на -ию, -ми	162
Склонение слов вошь, ложь, рожь, любовь, церковь	162
Склонение существительных дети, люди и других pluralia tantum	163
Четвертое склонение	163
Существительные типа телёнок — телёта	164
Существительные типа горожанин — горожане	165
Существительные мать и дочь	166
Существительные типа время	167
Изолированные существительные	167
Склонение существительных pluralia tantum	168
Несклоняемые имена существительные	169
Субстантивированные прилагательные	171
Соотношения между типом склонения и грамматическим родом	172

ГЛАВА III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Семантические, морфологические и синтаксические особенности имён прилагательных	173
Семантические разряды имён прилагательных	175
Качественные имена прилагательные	176
Относительные имена прилагательные	179
Притяжательные имена прилагательные	179
Относительно-притяжательные имена прилагательные	180
Переходы из одного разряда в другой	180
Нейтрализация семантических разрядов в комплексных лексических единицах	182
Суффиксы субъективной оценки	182
Парадигматический состав качественных и относительных прилагательных	
Твёрдый тип	184
Мягкий тип прилагательных	186
Краткие формы прилагательных	189
Сфера употребления кратких форм прилагательных	197
Предикативные безличные формы прилагательных среднего рода	200
Значение кратких форм некоторых качественных прилагательных	201
Вставные гласные в кратких формах прилагательных мужского рода	201
Акцентологические типы кратких форм	203
Вопрос о грамматическом характере степеней сравнения	205
Типы образования степеней сравнения	206
Формы сравнительной степени с приставкой по-	212
Непродуктивные типы образования сравнительной степени	212
Значение слов типа лучший, больший	215
Ударение форм сравнительной степени	216
Значение слов на -айший, -ейший и на наи-	217
Парадигматический состав притяжательных прилагательных	218
Притяжательные прилагательные в русском и словацком языках	221
Склонение притяжательных имён прилагательных	224
Переход притяжательных имён прилагательных в относительные	225
Относительно-притяжательные прилагательные	226
Взаимоотношения между именем прилагательным и другими частями речи	227
Связь имён прилагательных с синтагмами	232
Субстантивация прилагательных	233
Склонение русских фамильных имён на -ов, (-ёв), -ев, -ин (-ын)	240
Субстантивированные прилагательные в качестве названий городов и населённых пунктов	241

ГЛАВА IV. НАРЕЧИЕ

Является ли наречие самостоятельной „частью речи“?	243
Определение наречия как особой части речи	250
Определительные наречия	250
Обстоятельственные наречия	254
Продуктивные типы образования наречий	255
„Аналитические“ формы наречий	259
Ударение продуктивных наречий	259
Образование форм степеней сравнения от определительных наречий	260
Непродуктивные типы наречий	263
Некоторые приёмы адвербиализации	266
Могут ли наречия употребляться в функции сказуемого?	267
Количественные и градационные слова	270
Отграничение наречий от других частей речи	271

ГЛАВА V. ПРЕДИКАТИВЫ („Категория состояния“)

Предикативы как особая часть речи	278
Модальные предикативы	283
Словацко-русские соответствия в употреблении модально-предикативных выражений	285
Местоименные предикативы типа не́чего, не́когда	288
Предикативы, восходящие к именам существительным типа порá, жаль	289
Предикативы „чувственного восприятия“ типа видно, видáть	289
Предикативы „состояния“	290
Вопрос о грамматическом характере кратких форм прилагательных	292
Предикативы паличия	294
Слова и обороты, втягиваемые в круг предикативов	296

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За десять лет, отделяющих выход в свет второго издания настоящей книги от первого, наука о языке проделала стремительное развитие. Введением математических методов в языковедение были открыты новые перспективы разработки основных вопросов лингвистики. По-новому были поставлены проблемы классификации языковых явлений, их моделирования и их интерпретации. Плодотворные идеи современной структурной лингвистики несомненно приведут к коренному пересмотру многих традиционных и, казалось бы, отстоявшихся положений в нашей науке. Однако на данном этапе развития структурного языковедения преждевременно было бы приступать к разработке одного конкретного языка в полном объеме и строить грамматику в совершенно новых, еще не полностью проверенных категориях. Во всяком случае введение новейших научных методов в педагогический обиход требует серьезной и упорной подготовки студентов на курсах по введению в языковедение, требует внедрения математического мышления в программы университетских курсов по отдельным лингвистическим дисциплинам.

Поскольку новые взгляды на язык пока иллюстрируются лишь на ограниченном материале, а подготовка студентов по русскому языку неизбежно требует систематического показа весьма обширного языкового материала, автор считает возможным приступить ко второму изданию I-го тома «Морфологии» без существенных изменений в трактовке приводимого материала. Автор учел многие ценные указания своих рецензентов¹ и в от-

¹ J. Popela — M. Kubík, *Naše první vysokoškolská mluvnice ruštiny*, *Sovětská jazykověda* 5 (1955), 306—319. — R. Zimek, *K morfologii prof. A. V. Isačenka*, *Sborník Vysoké školy pedagogické v Olomouci, Jazyk a literatura* 3 (1956), 173—189. — B. O. Unbegaun, *Revue des études slaves* 33 (1956). — S. Karolak, *Niektóre zagadnienia struktury języka* (Z powodu książki prof. A. Isaczenki, *Grammaticzeskij stroj russkogo jazyka w сопоставлении s slowackim, Morfologia I*), *BPTJ Kraków XVII* (1959), 147—170.

дельных случаях пытался устранить некоторую несогласованность между первым томом «Морфологии» (1954) и вторым (1960).

Автор надеется, что и предлагаемое второе издание поможет в первую очередь чехословацким русистам ориентироваться в ряде сложных и спорных вопросов русской морфологии.

МОРФОЛОГИЯ И ЕЁ МЕСТО В КРУГУ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Грамматический строй языка как предмет грамматики

Совершенно ошибочно думать, что языки различаются между собой тем, что каждый из них способен выразить. В основном, любой язык может выразить теми или иными средствами всё то, что может быть выражено на любом другом языке. Этим и объясняется принципиальная возможность перевода с любого языка на другой.

В действительности каждый язык характеризуется всем тем, что в данном языке не может остаться невыраженным. Грамматический строй языка заставляет говорящего соблюдать определённые правила, которые для члена данного языкового коллектива остаются обычно неосознанными. Эти правила заставляют говорящего придерживаться определённых языковых моделей, накладывают на него определённые ограничения. Так в русском или в словацком языках любое существительное должно быть отнесено либо к единственному, либо ко множественному числу. Говорящий не может употребить существительное, стоящее «вне категории числа». В единственном числе говорящий на русском или словацком языке связан категорией грамматического рода и падежа: любое существительное, употребляемое в единственном числе, должно относиться к одному из трёх родов (мужскому, женскому или среднему) и должно стоять в одном из падежей. Говорящий не имеет возможности игнорировать грамматический род или падеж существительного. В пределах существительных мужского рода говорящий стоит перед выбором между существительными «одушевлёнными» и «неодушевлёнными» (в словацком языке): в целом ряде высказываний разница между «одушевлёнными» и «неодушевлёнными» существительными должна быть выражена формально. Именно эти и подобные грамматические свойства и являются характерными для наших языков.

Грамматический строй современных нам языков является результатом длительного исторического развития.

О наличии изменений в грамматическом строе свидетельствует хотя бы

тот факт, что славянские языки, развившиеся из одного относительно единого языка-основы с общим грамматическим строем и с общим словарным фондом, отличаются друг от друга не только в словарном отношении, но и в отношении грамматического строя. Правда, грамматические расхождения между такими языками, как русский, с одной стороны, словацкий и чешский — с другой, не так велики: в основном эти языки сохранили большинство грамматических категорий почти без изменений. Сохранился общий «флективный» тип славянских языков, т. е. изменения имени и местоимений по падежам и изменения глагольных форм по лицам при помощи флективных окончаний,¹ сохранилась категория грамматического рода, сохранились почти без изменений и многие окончания. Более того: развитие отдельных славянских языков протекало в общих чертах в одном направлении. Замечательно, что почти все славянские языки на протяжении своего многовекового развития независимо друг от друга претерпели ряд параллельных изменений в области грамматического строя. Во многих славянских языках (в том числе в русском, словацком и чешском) была утрачена категория двойственного числа (у имени, местоимения и глагола); некогда богатая парадигматическая система имени существительного, базирующаяся на чётком разграничении «основ», была заменена более простой парадигматической системой; беспредложный местный падеж был устранён и заменён новым «предложным» падежом; в области глагола были устранены имперфект и аорист и заменены во всех случаях формами прошедшего сложного; развилась категория глагольного вида; возникли новые формы деепричастий; обогатилась система неизменяемых частей речи и т. д. Вместе с тем, в отдельных славянских языках возникли особенности, не повторяющиеся в других языках и связанные, стало быть, с внутренними законами развития этих языков. Так, например, объём и состав категории «одушевлённости» в русском, словацком и чешском языках далеко не тождествен. Имеются значительные расхождения в трактовке «категории лица». Была утрачена категория «определённости — неопределённости» имени существительного, выражаемая в древнем языке формой прилагательного, выступающего в качестве определения (напр. *чюжь конь*). Краткие формы прилагательного употребляются в современном русском и чешском языках исключительно в качестве сказуемого (*он блен, je netocen*). Словацкий язык утратил почти полностью краткие формы прилагательных. С другой стороны, в чешском и словацком сохранились и развились энклитические слова (формы местоимений слов. *ta, ti, ta, ti, sa, si, ho, tu*, формы вспомогательного глагола *som, si*), утрачен-

¹ Только болгарский и македонский языки утратили, до некоторой степени, флективность в области склонения.

ные в русском языке, широко развилась система «многократного» вида глаголов типа *holievať, brávať, vyberávať*, не получившая в русском языке широкого распространения и т. д.

Из всего сказанного следует, что на каждом конкретном этапе развития языка внутри грамматического строя следует отличать более устойчивые элементы от элементов более подвижных. Способность грамматического строя в его наиболее подвижных пластах претерпевать изменения, обогащаться и совершенствоваться, должна быть полностью учтена при изучении грамматического строя конкретного языка в любую эпоху его развития. На каждом конкретном отрезке времени язык и, следовательно, его грамматический строй, подвергается известным изменениям. На каждом конкретном отрезке его развития происходит борьба между новым, жизнеспособным и развивающимся и старым, отмирающим. Истинный историзм в языкознании должен полностью учитывать эту борьбу, вскрывать процессы её вызывающие и сопровождающие. Живые, продуктивные элементы грамматического строя проявляют себя в качестве активных, продуктивных грамматических правил и приёмов; отмирающие, непродуктивные элементы сохраняются в языке в качестве «окаменелостей», «исключений» из общих правил. Здесь с особенной наглядностью сказывается взаимосвязанность основных компонентов языка, его грамматического строя и его основного словарного фонда. Дело в том, что наиболее устойчивые элементы словарного фонда, слова, наиболее тесно связанные с жизненными потребностями общества и выражающие элементарные понятия, и являются как раз носителями «архаизмов» в грамматическом отношении. Именно они и представляют обычно «исключения» из общих грамматических правил. Это вполне естественно: сохраняясь в языке весьма продолжительное время и являясь исходным материалом для создания новых слов, архаические элементы словарного фонда отражают зачастую более древнее состояние грамматического строя языка. Слова типа *лес, рука, мать, имя*, глаголы типа *идти, печь, сесть* и т. п. несомненно относятся к древнейшим пластам славянской лексики. Все эти слова имеют ряд отклонений от общих правил: существительное *лес* образует особую форму предложного падежа с местным значением на *-ý* (*в лесý*), особую форму родительного падежа на *-у* (*из лесу*), форму именительного падежа множественного числа на *-á* (*лесá*); существительное *рука* сохраняет акцентологические особенности, свойственные лишь нескольким именам существительным женского рода (ср. *рука — рúку — за руку — на руке — рúки — рука́м*); существительные *мать* или *имя* склоняются по особым образцам; в области «первичных» глаголов наблюдаются значительные нерегулярности (ср. *я иду́* при прошедшем времени *я шёл*, чередование основы типа *я пекú, ты пещёшь*, чередования в основе типа *сесѣь — я сяду* и т. п.).

Борьба между старым и новым в пределах грамматического строя продолжается и в наши дни. На каждом отрезке времени в языке бытуют разные «дублиеты», конкурирующие между собой. Одна из форм представляет собою более старую стадию развития, другая — более новую. Так объясняется в словацком языке наличие дублиетов типа *čísel* и *čísiel*, *sestár* и *sestier*, *očí* и *oči*, *môjho* и *mojeho*, *tohto* и *tohoto*, *vypál* и *vypol*.¹ В русском языке формы именительного падежа множественного числа типа *секторá*, *цехá*, *клевэрá*, *кормá* являются новшествами, в то время как формы *сéкторы*, *цéхи* должны быть признаны консервативными. Акцентологический тип, представленный существительными *кнѳга*, *шкѳла*, *вагѳн*, *завѳд*, *болѳто*, вполне продуктивен, в то время как акцентологические типы, представленные существительными *головá*, *овцá*, *звездá*, *окнѳ* и т. п., непродуктивны.

Историзм в изложении системы современного языка не состоит в историческом комментировании отдельных грамматических явлений. Отожествление форм современного языка с формами более древних эпох развития на основании чисто формального признака должно быть признано неисторичным и антинаучным. Если наречие *нешкѳм* в историческом плане и является застывшей формой творительного падежа единственного числа, то, с точки зрения современного языка, эту форму уже нельзя отождествить с формой творительного падежа хотя бы уже потому, что неизвестно, от какой формы именительного падежа она образована. Точно так же словацкие наречия *durkѳm*, *cicerkѳm* не являются уже формами творительного падежа, т. к. существительные, от которых они были образованы, в современном языке утрачены. В изложении системы современного языка историзм сводится к раскрытию живых и продуктивных законов и приёмов и к их отграничению от законов и приёмов непродуктивных, мёртвых.

Итак, предметом грамматики является всестороннее изучение грамматического строя, установление закономерностей, обуславливающих его структуру, прослеживание процессов отмирания архаических элементов и накопления новых элементов на данном этапе развития, и выявление обобщённых правил, характерных для данного этапа развития языка.

Взаимосвязанность между грамматическим строем и звуковой стороной языка

Грамматические явления не существуют сами по себе, вне связи с звуковой реализацией. Средства, которыми располагает грамматика для выражения тех или иных отношений, связаны с звуковой оболочкой языка.

¹ Ján Horecký: Prehľad tvaroslovných zmien v návrhu na nové Pravidlá, Slovenská reč XVIII, č. 4, 1952—1953, 110—115.

В славянских языках грамматические отношения чаще всего выражаются аффиксами, имеющими своё определённое звучание, свою фонетическую форму. Поэтому вполне естественно, что фонетические изменения, охватывающие язык в целом, могут иметь серьёзное влияние на развитие не только отдельных грамматических форм, но и на судьбы целых грамматических категорий.

Потеря так называемых основ на *-и* мужского рода связана во всех славянских языках с тем, что старые основы на *-и* получили, в результате фонетического развития, в имен.-винит. падеже единственного числа то же окончание *-ъ*, как и старые основы на *-о*. Старое окончание основ на *-и* (< **-is*) совпало в результате действия фонетических законов с окончанием *-ъ* основ на *-о* (< **-os*); таким образом, существительные типа *столъ* и *смыъ* приобрели ещё в праславянском языке в известных падежах одно и то же окончание. В таких условиях существительные, относящиеся к старым основам на *-и*, не смогли удержаться как самостоятельная парадигма и подверглись влиянию основ на *-о*, что в конечном итоге привело в русском языке к утрате самостоятельного типа склонения старых основ на *-и*.

Особо важную роль для выражения тех или иных грамматических отношений играют так называемые «просодические» свойства гласных (количество, место ударения, интонационные оттенки). В чешском и словацком языках широко использовано количество гласных для отличия тех или иных грамматических форм, ср. словац. *raz* ~ *ráz*, *mesta* ~ *mestá*, чеш. *jistá* (полная форма) ~ *jista* (краткая форма) и т. п. В русском языке, не знающем свободной долготы, решающую роль играет место ударения. Целый ряд грамматических форм отличается друг от друга в первую очередь местом ударения: *волос* »vlas» ~ *волѳс* »vlasov», *ноги* (род. п. ед. ч.) ~ *ноги* (им.-вин. п. мн. ч.), *узнаю* (несоверш. вид) ~ *узнáю* (соверш. вид), *большѳе* (положительная степень) ~ *ббльшѳе* (сравнительная степень). Акцентологические особенности слова тесно связаны с образованием отдельных форм и должны изучаться наряду с системой окончаний.

Интонация играет важную роль в синтаксисе, где в зависимости от интонации мы имеем дело с разными видами предложений (утвердительных, побудительных, вопросительных). Само понятие «предложение» связано с наличием единого интонационного движения голоса. Отсюда следует, что звуковая сторона языка неотделима от всех остальных сфер языка: от его грамматического строя, от лексики, от стилистики.

В ряде пособий фонетика, как учение о звуковой стороне языка, включается в отдел грамматики. Как мы видели, грамматика пользуется фонетическими средствами, но этими же средствами пользуется и лексика и стилистика. Поэтому фонетика, как особая языковедческая дисциплина, не может быть включена в состав грамматики.

Грамматический строй и словарный состав

Специфической чертой грамматических явлений является их абстрактность, их обобщённость. Если сопоставить слова вроде *карандашá, костéй, вы́сокого, двух, éтого, говоря́щих*, то окажется, что у всех этих слов имеется одна общая черта: все они выражают известное грамматическое отношение — родительный падеж. «Родительный падеж» является понятием чисто грамматическим, не связанным с конкретным материалом, с конкретным значением слов. Падеж может быть выражен именем существительным и именем прилагательным, местоимением, числительным или причастием, он может быть выражен в единственном или во множественном числе, сохраняя при этом во всех случаях специфичность своего грамматического значения, свою «генитивность». Слова типа *карандашá, костéй, вы́сокого* и т. п. не встречаются, однако, в нормальной речи в изолированном виде. Они выделяются нами из состава предложения или другого синтаксического целого низшего порядка, напр. *у меня́ нет карандашá, суп из костéй, проводá вы́сокого напряжéния*. Слово, выделяемое в определённой форме, как единица в составе предложения (или синтагмы), мы назовём словесной формой,¹ в отличие от слова, как единицы словарного состава, которое некоторые лингвисты называют «лексемой».

«Лексемой» является слово, как носитель определённого значения, как название самостоятельного предмета мысли, как единица словарного состава, в которой она, эта единица, входит во всей совокупности своих грамматических форм. У слов изменяемых (склоняемых или спрягаемых) лексема является сложной системой взаимосотнесённых форм. Так, например, для членов словацкого языкового коллектива слова *krátky, krátka, krátke, krátkeho, krátkemu, krátkym, o krátkom, krátkej, krátkou, kratší, kratšia, kratšie, kratšieho..., najkratší, najkratšia, najkratšie* и т. д. объединяются в границах одной лексемы. Словесные формы — это видоизменения лексем в интересах грамматики.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность грамматического строя языка и его лексики очевидна. Нет слов, грамматически не оформленных (в самом широком смысле этого термина), так же, как и нет грамматических фактов, не проявляющихся на конкретном словарном материале. Однако в интересах теоретического разграничения компетенции основных лингвистических дисциплин — грамматики и лексикологии — не бесполезно

¹ Ср. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова: Образование *stone wall, speech sound* в английском языке. Институт языкознания. Доклады и сообщения. II. Москва 1952, стр. 105. Примечание 1.